

Васюкова Марина Валентиновна

ИРОНИЯ КАК "ГЕРМЕНЕВТИКА" В РОМАНЕ ЛЮДМИЛЫ УЛИЦКОЙ "ЗЕЛЕНЬ ШАТЕР"

Статья посвящена изучению видов иронических приемов в романе Людмилы Улицкой "Зеленый шатер". Иронически обыгрываются автором-повествователем сюжетные ситуации, поступки героев, их характеры. Авторская ирония сосредотачивается вокруг образа главного героя Миши и его друзей. Повествователь применяет широкий спектр иронического модуса: каламбур, оксюморонные выражения, иронические антитезы, сарказм, травестирование, грубую просторечность, анекдотичность ситуаций, считая иронию герменевтическим ключом, расшифровывающим замысел автора.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/8-2/5.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 8(74): в 2-х ч. Ч. 2. С. 23-26. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

5. Брагинская Н. В. Экфрасис как тип текста (к проблеме структурной классификации) // Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста. М.: Наука, 1977. С. 259-283.
6. Бычков В. В. Малая история византийской эстетики [Электронный ресурс]. Киев: Путь к истине, 1991. URL: <https://refdb.ru/look/3329115.html> (дата обращения: 02.03.2017).
7. Габидуллина Ф. И. Проблемы изучения жанровой природы татарского романа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 7 (25): в 2-х ч. Ч. I. С. 49-51.
8. Кассен Б. Эффект софистики / пер. с фр. А. Россиуса. М. – СПб.: Московский философский фонд; Университетская книга; Культурная инициатива, 2000. 252 с.
9. Коваленко А. А. Экфрасис в художественном тексте: проблемы изучения [Электронный ресурс]. URL: http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2014/pdf/d01/s41/s41_004.pdf (дата обращения: 02.03.2017).
10. Склёмина С. М. Экфрасис в повести Н. Лескова «Запечатлённый ангел» // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2006. № 17 (72). С. 205-207.
11. Стахеев Д. И. Собрание сочинений: в 12-ти т. СПб.: Т-во М. О. Вольфа, 1903. Т. 9. 370 с.
12. Уртминцева М. Г. Экфрасис: научная проблема и методика её исследования // Вестник Нижегородского университета им. Н. М. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 975-977.
13. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М.: Наука, 1978. 799 с.
14. Экфрасис в русской литературе: труды Лозаннского симпозиума / под ред. Л. Геллера. М.: МИК, 2002. 216 с.

TYPES OF ECPHRASIS IN D. I. STAKHEEV'S ART STORIES

Bozhkova Galina Nikolaevna, Ph. D. in Philology
Yelabuga Branch of the Kazan (Volga region) Federal University

Shabalina Nadezhda Nikolaevna, Ph. D. in Philology
Shabalina Irina Gennad'evna
Secondary School N10, Yelabuga Municipal district
bozhkova.galina@mail.ru

The article for the first time examines the types of ecphrasis in the art stories of the little known Yelabuga writer of the XIX century D. I. Stakheev who was on friendly terms with the world-famous painter I. I. Shishkin which promoted the development of Stakheev's artistic talent. That's why D. I. Stakheev's prose is full of pictorial ecphrasis, in particular, such types of it as interpretative, dynamic performing psychological function. Ecphrasis techniques allow the author to create artistic image and show his attitude to professionalism and dilettantism in painting.

Key words and phrases: ecphrasis; plastique art; static ecphrasis; interpretative ecphrasis; emblematic and symbolic ecphrasis; pictorial ecphrasis; D. I. Stakheev's stories; psychologism; "The Painter's Sketches"; "Near the Temple of Art".

УДК 82-311.4

Статья посвящена изучению видов иронических приемов в романе Людмилы Улицкой «Зеленый шатер». Иронически обыгрываются автором-повествователем сюжетные ситуации, поступки героев, их характеры. Авторская ирония сосредотачивается вокруг образа главного героя Мухи и его друзей. Повествователь применяет широкий спектр иронического модуса: каламбур, оксюморонные выражения, иронические антитезы, сарказм, травестирирование, грубую просторечность, анекдотичность ситуаций, считая иронию герменевтическим ключом, расшифровывающим замысел автора.

Ключевые слова и фразы: герменевтика; шифр культуры; ирония; иронический подтекст; травестирирование; Людмила Улицкая.

Васюкова Марина Валентиновна
Тамбовский государственный технический университет
polymarina@mail.ru

ИРОНИЯ КАК «ГЕРМЕНЕВТИКА» В РОМАНЕ ЛЮДМИЛЫ УЛИЦКОЙ «ЗЕЛЕНый ШАТЕР»

В произведении Людмилы Евгеньевны Улицкой «Зеленый шатер» в центре внимания находится проблема художественной рефлексии 1960–1980-х годов. В романе достаточно широко и смело анализируется диссидентское сознание, передаются авторские взгляды на эпоху, воссоздается мировоззрение поколения шестидесятников [3, с. 108].

Проблема диссидентства решается в романе «Зеленый шатер» посредством функционирования двух взаимосвязанных бинарных мотивов: «противостояние» и «бегство». Мотивы создаются разными художественными средствами: первый – широким ироническим подтекстом; второй – в основном символикой художественной детали.

«Ирония» переводится с греческого как «притворство, насмешка», это «осмеяние, содержащее в себе оценку того, что осмеивается; одна из форм отрицания. Отличительным признаком иронии является двойной смысл,

где истинным будет не прямо высказанный, а противоположный ему, подразумеваемый» [2, стлб. 316]. Известно, что ирония обычно «превращается в сарказм как средство осмеяния пороков действительности» [1, с. 171].

Людмила Улицкая в одном из своих интервью определила иронию как «герменевтику» и «культурный шифр» [6, с. 235]. Через ироническое «притворство» создается художественный смысл, который разъясняет, дает толкование (герменевтика) сути того или иного события или характера, который расшифровывает исторический, политический, аксиологический шифр того или иного явления. Если комическое (юмор) ориентировано на описание субъективного (особого, неповторимого), то «ироническое» сосредоточено на объективном. Иронический пафос отличается от драматического своей непричастностью к изображаемому. Ирония, например, приобретает в художественных произведениях XX века самостоятельный модус художественности, в романе «Зеленый шатер» связана, прежде всего, с воплощением мотива диссидентства.

Автора романа «Зеленый шатер» интересует в первую очередь человек в его отношении к себе и времени. «Что такое собственно человеческая составляющая в человеке? Способность к самосознанию? Религиозное чувство? <...> последовательность генов, трудноопределимая совесть, неуловимая душа», – задает себе вопросы Людмила Улицкая в эссе 2009 года [7, с. 388]. При этом особенно пристрастно Людмила Улицкая в своей прозе наблюдает за «инструментом измерения нравственности» [Там же, с. 389]. Отвечая на вопросы о романе «Зеленый шатер», она обратила внимание на то, что в этом произведении важен не конфликт между тоталитарной властью и немногочисленной группой противостоящих ей смельчаков, а «распад человеческой личности». Она утверждала, что написала роман «о достоинстве, чести, порядочности. А власть? Когда и где она хороша бывала?» [Там же, с. 452].

Очевидно поэтому, создавая «роман о диссидентах», современный писатель использовал парадоксальные приемы художественного изображения, подчеркивающие драматизм и даже трагизм существования шестидесятников, посмеявшихся противостоять власти. При этом драматизм смягчается или усиливается с помощью ироничности, способствующей некоторому травестированию высокой трагедии, совмещению драматического с комическим и даже с сатирическим. Очевидно, что автор-повествователь, иронизируя, пытается то смягчить драматизм повествования, то усилить, показав его многоаспектность. Для писателя особенно важным способом познания человека становится его «краздавленность временем». Чтобы не впасть в пессимизм при раскрытии этой трудной темы, Людмила Улицкая и создает иронический тон.

Известно, что шестидесятничество было явлением, свидетельствующим о кризисе общества, о желании добавить в общественные отношения немного свободы. Действия диссидентов, осознанно идущих на роль «несогласных», исключали мотивы «незаметности» или «случайности» попадания в политическую борьбу. Исключением является главный герой романа «Зеленый шатер» – Михай Меламид, который стал жертвой безжалостного времени. Умный, мягкий, добрый, открытый, он оказался самым незащищенным и первым не выдержал жестокого удара судьбы.

Вокруг этого оригинального образа сосредоточена доля иронического пафоса автора-повествователя, соразмерная доле авторской симпатии и желанию «растолковать» смысл жизни протагониста. Иронией внутренней, внешней и логически выраженной пропитаны описания поступков, чувств, мыслей, стихотворений, черт характера этого героя. Хотя без иронического подтекста не обходится изображение ни одного персонажа романа.

Иронией пронизаны почти все названия глав произведения. В прологе, повествующем об извещении о смерти Сталина, ирония присутствует на сюжетно-образном уровне. О трагическом событии сообщается по радио, которое «извергает торжественную музыку», а люди издают вопли и теряются от безысходности [5, с. 7].

Прямая, внутренняя, лексически выраженная ирония используется Людмилой Улицкой по поводу чистой и глубокой любви Мухи к Алене и их дочери.

В главе «Демоны глухонемые», название которой точно совпадает со знаменитым произведением Максимилиана Волошина, показано, как «уровень жизни» протагониста романа Улицкой Мухи Меламида после женитьбы на Алене «из низины поднялся на высокогорье» [Там же, с. 414]. Автор вводит ироническую метафору разбитого стакана, от которого остались «только никчемные осколки прежних увлечений» [Там же]. Стакан с водой – известный образ-символ революционной любви, которая была провозглашена революционеркой Klarой Цеткин простым утолением жажды любовной страсти. «Муха встретил Алёну и полюбил её так безвозвратно и окончательно, что вся прежняя его жизнь с милыми девочками, легкими и необязательными свиданиями и деятельными ночами в общежитии разбилась, как стеклянный стакан», – пишет повествователь [Там же].

Герой созрел для создания семьи и настоящей любви, а также понял свое призвание: учить глухих детей, реализовывая свое главное качество – «всемирную жалость». Повествователь с юмором говорит об усилиях тети Гени противостоять этим двум серьезным увлечениям Мухи. И с истинным глубоким драматизмом рассказывается о борьбе со свободомыслием сошедшего с ума в застенках КГБ бывшего СМЕРШевца, а ныне учителя глухонемых сирот – Глеба Ивановича Косачева.

С иронией автор пишет о том, что Муха от любви «приотстал в своем революционном порыве», а Саня, наоборот, «увяз в своих звуковысотных» музыкальных системах, что мешало их общению с Ильей, который знал лучше всех «способы избегания, ускользания, растворения» [Там же, с. 445].

Илья объяснил Мухе, что нужно подразделять две разные вещи: заниматься интересным делом и зарабатывать деньги. Но оба героя знали, что для человеческого счастья нужно, чтобы эти две вещи совпадали.

Роковая встреча Мухи и Ильи не случайно произошла в Милютинском саду (глава «Милютинский сад»), где много лет «клубились в темнеющих углах оскудевшего сада мелкие бесы русской революции – те самые, Достоевские», – с иронической издевкой комментирует автор-повествователь [Там же, с. 448].

Михе не на что было жить. И Илья сделал его распространителем запретной литературы, несмотря на то, что Миха был «слишком заметный, слишком общительный, слишком неосторожный» [Там же, с. 449]. Трижды употребленное слово «слишком» объясняет трагизм судьбы Михи. Повествователь с сарказмом описывает негативное отношение Ильи к «глухонемому интернату», который был мечтой жизни Михея.

Ирония распространяется и на Миху, когда отмечается, что этот «восторженный герой» был готов участвовать в издании самиздатского журнала, «открывающего глаза и уши темному человечеству» [Там же, с. 451].

В романтическом описании посещения друзьями дома Волошина в Коктебеле тоже присутствует достаточно едкая ирония (например, описание старушек-девочек и старушек-ящериц) и «конкурирующей вдовы Волошина», названной Ассолью, «отсидевшей срок и вернувшейся в Старый Крым к обязанностям гриновской вдовы» [Там же, с. 460].

Иронией наполнены многие определения автора романа по поводу быта дома Волошина: им был подан «фасонистый обед», они видели «бодрый завиток» на голове старушки; новые знакомые – это «бывшие люди», «музейная женщина», «обычное провинциальное убожество» и др. [Там же, с. 461].

Проявлением авторской иронии является и описание самиздатского журнала, «худеющего непредсказуемым образом в художественной части и прибывавшего в политической» [Там же, с. 466].

Иронически обыгрываются автором-повествователем и журнальные статьи, которые пишет главный герой. Например, материал о демонстрации в Москве по поводу ввода войск в Чехословакию, которую провели семь человек, вышедших на Красную площадь, Миха назвал пафосно: «Пятиминутное стояние великолепной семерки на Лобном месте» [Там же, с. 468].

Ирония выполняет в данном случае роль характеристики образа, как и в случае с высказываниями меркантильного Марлена о Михе: «Он просто сумасшедший! Это выше моего понимания! Ну при чем тут татары! Крым! О себе бы позаботился! Еврею сесть за возвращение татар в Крым! Уж лучше сел бы за свое собственное возвращение в Израиль!» [Там же, с. 480].

В последней главе «Имаго», описывающей гибель Михи, почти нет иронии. Очевидно потому, что в ней драматизм, напряженный до предела, переходит в трагизм. Исключением является последняя записка, призванная смягчить трагизм бытия мягким юмором, ведь известно, что смеяться можно только над тем, чего не боишься. «Я в человеках тож» – это стилистически неверное выражение Михи в его последнем стихотворении вместо насмешки вызывает улыбку, добрую и примиряющую всех со всеми.

В главах, посвященных Сане Стеклову, характер и объем иронического повествования изменяется. Саня Стеклов, как и Миха, оказался невольно втянутым в политическое противостояние. Однако полноправным участником диссидентского движения его назвать нельзя. Он скорее «соучастник». Сам в этой «игре» не принимает участия, но помогает своим друзьям-правозащитникам. Саня – интеллигент, прекрасный музыкант. Мысленно он отстранен от реального времени, живет не советской, а «мимосоветской» жизнью [Там же, с. 326]. Как и его друзья, он очень много читает, слушает музыку всемирно известных композиторов. В открытую борьбу с властью он не вступает, но общего языка с ней найти все же не может. Политический уклад, давление скажутся негативно на жизни этого героя, в результате чего он покидает страну в поисках свободы творчества.

Иронический подтекст присутствует в главах, посвященных Сане, в более тонкой и скрытой форме. Например, в главе «На первой линии», говоря об аполитичности Сани, его бабушка заявляет, что он относится к родной стране как иностранец. Автор как будто бы искренне поддерживает мнение родных, но его комментарий, указывающий на недопустимость пропуска таких событий, как «недород в Африке или цунами в Японии», убеждает в иронии повествователя [Там же, с. 482].

Ирония сосредотачивается вокруг образа Сани и Алены, а Миха изображается с искренним сочувствием. В конечных главах о Сане («Ende gut», «Эпилог», «Конец прекрасной эпохи») можно обнаружить различные виды разнонаправленного иронического подтекста: по поводу иностранцев, «влюбленных в Россию до беспамятства», которых «влекла загадочная русская душа» [Там же, с. 554]. Иронизирует автор над девушкой Аллой «с северными серыми глазами» [Там же, с. 556] и над невестой Сани. Ирония в данном случае строится на контрасте желаний мнимой невесты и Сани. В связи с этим необходимо вспомнить, что В. Я. Пропп справедливо подчеркивал, что «противоречие между двумя началами есть основное условие, основная почва для возникновения комизма» [4, с. 165], в том числе такой формы, как ирония.

Повествователь едко иронизирует: «Потом начинается бред. Женщина с лентой встает. Провозглашает: “Гражданка Соединенных Штатов Америки Дебора О’Хара и гражданин Союза Советских Социалистических Республик Александр Стеклов подали заявление о заключении брака в соответствии с законами нашей страны...” Деби хочет свадьбу. Саня хочет исчезнуть. Деби хочет свадебное путешествие. Саня хочет исчезнуть с лица земли. Деби хочет брачную ночь. Саня хочет исчезнуть с лица земли навсегда» [5, с. 575].

Так, через контраст отношения к жизни проявляется иронический подтекст ситуации фиктивного брака: у Деби поверхностные материальные запросы, когда главное в жизни – это физическое удовольствие, а у Сани внутренние духовные цели, когда основным является духовное состояние, гармония духа. На такой шаг Саня решился ради свободы творчества: «Фарс под названием “Женитьба” заканчивается. Остается немного: подать заявление в американское посольство и ждать, ждать, ждать» [Там же, с. 576].

Более мягкая ироническая повествовательная характеристика для глав, где изображены герои как жертвы времени (Миха Меламид, Саня Стеклов, Оля, Тамара, Марина, доктор Дулин, Костя, Афанасий Михайлович и Софочка).

Таким образом, автор романа «Зеленый шатер», иронизируя, подчеркивает сложность и неоднородность диссидентства, его зыбкость и в то же время передает свое осознание необходимости противостояния

тоталитарной власти для творческой личности, жаждущей свободы. Поэтому, как показывает анализ, автор-повествователь использует для многоаспектного решения проблемы диссидентства различные приемы создания иронического модуса, применяя каламбуры, иронические антитезы, оксюморонные выражения, юмор, сарказм, столкновение высокого и низменного, грубую просторечность, и утонченную остроумную игру словом, анекдотичность ситуаций, травестирование, интертекстуальность, сличая драматичность повествования и расшифровывая значимость каждого персонажа.

Список источников

1. **Борев Ю. Б.** Эстетика. Теория литературы: энциклопедический словарь терминов. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. 575 с.
2. **Литературная энциклопедия терминов и понятий** / под ред. А. Н. Николюкина; Институт научной информации по общественным наукам РАН. М.: НПК «Интелвак», 2003. 1600 стлб.
3. **Осьмухина О. Ю.** Скромное обаяние эпохи. «Зеленый шатер» Людмилы Улицкой // Вопросы литературы. 2012. № 3. С. 108-119.
4. **Пропи В. Я.** Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне). М.: Лабиринт, 2007. 256 с.
5. **Улицкая Л. Е.** Зеленый шатер: роман. М.: Эксмо, 2011. 592 с.
6. **Улицкая Л. Е.** Принимаю все, что делается // Вопросы литературы. 2000. № 1. С. 215-237.
7. **Улицкая Л. Е.** Священный мусор: рассказы, эссе. М.: Астрель, 2013. 476 с.

IRONY AS “HERMENEUTICS” IN LYUDMILA ULITSKAYA’S NOVEL “THE BIG GREEN TENT”

Vasyukova Marina Valentinovna
 Tambov State Technical University
 polymarina@mail.ru

The article is devoted to the study of the types of ironic techniques in Lyudmila Ulitskaya’s novel “The Big Green Tent”. The author-narrator portrays ironically the plot situations, the actions of the heroes, and their characters. The author’s irony focuses on the image of the protagonist Mikha and his friends. The narrator uses a wide range of ironic modus: pun, oxymoron expressions, ironic antitheses, sarcasm, travesty, low-colloquial speech, anecdotal situations, considering irony as a hermeneutic key deciphering the author’s intent.

Key words and phrases: hermeneutics; culture code; irony; ironic implication; travesty; Lyudmila Ulitskaya.

УДК 82-311.4

В статье выявляется функциональность иронии в романе Л. Улицкой «Зелёный шатёр». Доказывается, что названия романов и глав, входящих в них, содержат ироническое «притворство», с помощью которого расшифровывается подлинный философско-аксиологический смысл исторических событий, изображаемых в произведении. Ирония приобретает в романистике Л. Улицкой самостоятельный модус художественности. Ироническая насмешка выполняет три основные функции: передачу авторского сознания, характеристику образов и травестирование с целью смягчения драматизма и трагизма повествования.

Ключевые слова и фразы: ирония; иронический подтекст; символика художественной детали; культурный шифр; скрытая насмешка; заголовочный комплекс; Людмила Улицкая.

Васюкова Марина Валентиновна
 Тамбовский государственный технический университет
 polymarina@mail.ru

**ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ИРОНИЧЕСКОГО ПОДТЕКСТА ЗАГЛОВОЧНОГО КОМПЛЕКСА
 РОМАНА «ЗЕЛЁНЫЙ ШАТЁР» ЛЮДМИЛЫ УЛИЦКОЙ**

Роман Людмилы Улицкой «Зелёный шатёр» отличается множеством иронических заглавий, несущих концептуальный смысл.

Мотивная структура романа «Зелёный шатёр» включает социально-философские и мифопоэтические мотивы. Характерно, что иронией пронизаны практически все названия глав произведения Людмилы Улицкой «Зелёный шатёр».

Иронией «веет» от названия первой главы, представляющей собой цитату из известной советской песни «Школьные годы чудесные», в которой непомерно восхвалялась и приукрашивалась советская действительность.

Школа в романе показана как территория острого социального конфликта, где властвуют «пролетарии» с сатирическими (говорящими) фамилиями – Мурыгин и Мутюкин, которые уверены в своей «гегемонии». Эти «два школьных вождя» разделили свой класс «на две враждующие партии» и держали всех «в страхе»